

Одинокий бегун

Кинорежиссер Юрий Мамин отличается «реликтовой» приверженностью жанру эксцентрической комедии. Все его учителя, предшественники и современники так или иначе изменили жанру — ударились в лирику (как Данелия) или в «эпохальность» (как Рязанов). Мамин упрямо продолжает смешить народ, «прорубаясь» сквозь скепсис критики и собственные комплексы.

Но как ни приятно потолковать с режиссером об успехах (в том числе коммерческих — своим последним фильмом «Окно в Париж» Мамин вышел на международный уровень, следующий тоже собирается снимать с западными продюсерами), разговор пошел о кризисе, в котором, по всеобщему ощущению, находится российское кино:

— Сегодня фильмы делают людьми, которые имеют не способности, а деньги. Доста-точно найти некую сумму (неважно, где — у преступников или богатых идиотов), и человек снимает картину. Искусство становится самодеятельностью. Люди делают фильмы только потому, что им это нравится.

— А вам не нравится?

— Это же самый мучительный вид искусства! Ничего более отвратительного, чем работа режиссера, нет. Съёмки — самый нена-вистный период, потому что ежедневно ру-шатся все идеалы, все замыслы. Герман, один из выдающихся режиссеров, не может снй-мать, потому что боится. Он каждый день п-нимает таблетки. Я знаю и других людей, ко-торым страшно. А этим новым — ничего не страшно.

— В этом вы и видите главную причину кри-зиса?

— Да. Нет соперников, бежишь в одиночку. Это очень плохо. Прежде всего теряешь тре-бовательность к самому себе. Приходится смотреть западные фильмы — единственное средство, чтобы мускулы не дряхлели.

— Многие ваши одноклассники, тоже начав-шие снимать в перестроечные годы, ушли в тень. Сломались?

— Они сломались потому, что не могут найти деньги, их кино не для толпы, и ко-ммерчески их никто не поддерживает. С другой стороны, свобода многим оказалась не под силу. Когда шла борьба с Госкино, нужна была определенная мускульная сила, чтобы отстаи-вать свои позиции. Однако в условиях сво-боды выяснилось, что на самом деле им нра-вится красивая западная жизнь. Вот они и снй-мают вечный «Корабль плывет», только го-раздо хуже. Некоторых подкосило излишнее

Алексей САЗОНОВ

чувство ответственности. Скажем, Бибарцев после замечательной короткометражки «Объездчик» не снимает ничего. Тумаев, сде-лавший две замечательные картины — «Будни прораба Зорина» и «Поездка к сыну», не-сколько лет готовился к съемкам фильма о Макаренко, но не смог себя превозмочь. Пи-чул, человек с таким свежим взглядом, и он ку-пились на химеру... Уровень публики тоже упал, «дикие» выбежали и диктуют.

— Кто же кого воспитывает — публика ре-жиссеров или режиссеры публику?

— Взаимно. Кино — искусство массовое, поэ-тому создается обманчивое впечатление, что можно быть невзыскательным. Но существует же серьезная музыка наряду с массовой, и в филармонию ходят немногие. Искусство — всегда для избранных. На Западе каждый мо-жет выбрать себе кино по вкусу. У нас же все должны смотреть все — это убивает возможно-сти кино. Андеграунд или другие специфиче-ские фильмы показывались во всех кинотеат-рах, что никому не нужно. Эротический фильм смотрят и старики, и подростки, иногда это просто неприлично.

— Значит, «много званных, да мало избран-ных» не для нашего кино?

— Ну что вы! У нас так много избранных! Любый киногографом, найдя деньги, говорит: «У меня очень богатый внутренний мир, я не могу не поделиться со всеми своим знанием философии, литературы, музыки, цвета...» Это заметно в очень многих картинах, ко-торые получают и не зрительскими, и не ав-торскими.

— Но вы-то снимаете зрительское кино.

— Это грустная тема. Всегда хочется, чтобы тебя смотрели. Кино быстрее всего устаревает: если в момент выхода не имело успеха, значит, никогда не станет явлением общественной жизни. Но как зритель я с ужасом бегу с кар-тины, которую принимает толпа. Я снимаю для круга, который уважаю, который в состоя-нии оценить находки. В кино есть фабула, когда форма изложения неважна. И есть то, что именуется качеством, вызывает ассоциа-ции. Иногда удается совместить и то, и другое.

— Как бы вы определили профессионала в кино?

— Самое главное качество режиссера, мне кажется, чувство ритма, то, что дает возмож-ность руководить реакцией публики. Это сродни музыке. Если человек обладает этим, он уже победитель. Если он к тому же образо-ван, может создавать шедевры. И второе — чувство стыда: неловко делать плохо. Оттого и мучаются режиссеры...

— И с такими муками вы снимаете комедии?

— С комедиями всегда было трудно. Людей, умеющих в окружающем видеть смешное, очень мало. Я таких ищу и беру себе в компа-нию.

— Что такое чувство юмора?

— Свежий взгляд. Как правило, люди при-нимают условия жизни, законы, приказы как нечто само собой разумеющееся. Человек со свежим взглядом замечает, что король голый! И тогда это видят все остальные. Есть юмор школьный, солдатский, женский и прочий.

— Какой ваш?

— Мне смешны и грубая шутка, и тонкий ан-глийский юмор.

— Как вы считаете, когда-нибудь мы дожи-дем до комедий, которые будут просто смеш-ными — не социальным зарядом, а общечело-веческим?

— Смешное связано с временем. Что смешно сегодня, не будет смешным завтра. Я показывал свои картины на Западе и слышал смех в тех местах, которые не смешны здесь. В «Фонтане» есть эпизод, когда человеку нужно срочно позвонить и он просит отца положить трубку — аппарат у них параллельный. В Шта-тах этот эпизод всегда вызывал хохот: они просто не понимают, что такое параллельный телефон. «Афоня» Данелии был признан во Франции чрезвычайно талантливой комедией парадоксов. Для нас это бытовая комедия. А там поражались: надо же так придумать, что водопроводчик терроризирует целый район!

— Ну если юмор зависит от времени и про-странства и вообще редок, то с пошлостью дело обстоит наоборот. Она всегда и везде в избытке. В этом смысле у нас есть грань, за которую вы не пойдете?

— Безусловно. Все определяет мой уровень вкуса. Грань как раз наиболее привлекательна. Пройти рядом с пошлостью, почти на грани очень трудно. Но это и интересно. Как сказала, кажется, Маргарита Лонг: «Люди часто восхи-щаются тем, от чего природа приходит в ужас». Мне кажется, зритель, как и я, должен радоваться тому, что запретов становится все меньше.

— Кажется, уже никаких запретов не оста-лось.

— Это само по себе может стать предметом юмора. Можно об этом снять фильм — ника-ких запретов, школьники-первоклассники рассматривают на витринах порножурналы...

— К абсурду привыкаешь, это становится об-разом жизни.

— Для этого и нужны комедиографы. Они — санитары леса.

Елена ВЕСЕЛАЯ